

Чарльз Ковакс: Пасха как праздник оживления мышления (1985)

Предлагаем вашему вниманию пасхальную лекцию Чарльза Ковакса (Charles Kovacs, 1907-2001 гг.) от 8 апреля 1985 года. Впервые опубликована в журнале *Europäer* (том 18, № 6/7, 2014 г.), на русском языке – на сайте bdn-steiner.ru в 2024 году. Перевод Ю. Пушкарской.

Пасха как праздник оживления мышления

Доклад Чарльза Ковакса (Charles Kovacs) от 8 апреля 1985 года*

* Опубликован в журнале *Europäer*, том 18, № 6/7 (апрель-май 2014 г.) и в 2024 году на сайте bdn-steiner.ru. Ковакс – автор серии книг для учителей вальдорфской школы, основанных на его личном опыте преподавания в Эдинбурге, книг о религии и духовности.

Перевод Ю. Пушкарской

Праздник Пасхи праздновался человечеством задолго до прихода христианства. Это был весенний праздник, который отмечал победу жизни над смертью в природе. С приходом христианства Пасха приобрела новый смысл: победа Христа над смертью в мистерии Голгофы. Оба события – и то, которое повторяется каждый год, и то, которое уникально, – это события, в которые человек не может внести никакого вклада. Ежегодное обновление жизни весной, как и воскресение Христа – это дары, подаренные нам высшими силами.

Но с начала эпохи души сознательной в XV веке человечество вступило в фазу развития, в которой мы должны активно участвовать в обновлении жизни — если мы сами хотим привнести жизнь в то, что мертво.

То, что умерло, так это человеческая мысль. В "Письмах Михаила"¹ Рудольф Штайнер описывает четыре стадии, в ходе которых древнее, живое мышление превратилось в современную, безжизненную тень. Мы, живущие в XX веке, настолько привыкли к интеллектуально-абстрактному мышлению, что едва ли можем представить себе, что когда-то существовало какое-то другое мышление. Но люди позднего Средневековья, ставшие свидетелями процесса смерти мышления, ощущали это изменение. Они чувствовали его как темную силу, которая ощущалась в человеческом сознании. Это чувство привело к возникновению легенды о Фаусте, человеке, который из-за жажды знаний был доведен до того, что продал душу дьяволу.

Когда Гете использовал эту легенду для своей трагедии, он показал в ней и через нее всю драму души сознательной. В первых же сценах, после пролога, вводится тема, которая находится в центре души сознательной. В длинном монологе Фауст выражает свою крайнюю неудовлетворенность мертвыми идеями и понятиями, которые он приобрел за долгую жизнь научных исканий. Фауст, по крайней мере, честен с самим собой. Другие – а сюда можно отнести ученых, философов, экономистов и политиков нашего века – ни

---

¹ Письма Михаила содержатся в: Антропософские руководящие положения, GA 26, 1924 См. также: Миссия Михаила, Чарльз Ковакс, Базель 2012 – Комментарии к размышлениям Рудольфа Штайнера о Михаиле осенью 1924 года (1-е письмо).

достаточно честны, ни чувствительны, чтобы заметить полное отсутствие жизни в своих идеологиях. Фауст замечает это и, чтобы найти альтернативу этому сухому знанию, обращается к оккультным практикам древних времен. Он совершает магический ритуал и вызывает духовное существо – духа земли. Однако эта встреча приводит его в отчаяние и потрясение. Ни мертвые концепции его исследований, ни обращение к оккультным методам прошлого не привели его в мир искомого живого мышления.

Тогда он решает покончить с жизнью с помощью яда. Он уже подносит чашу с ядом к губам, когда начинают звонить церковные колокола. Это Пасхальное воскресенье, и он слышит голоса, возвещающие о воскресении Христа. Чаша падает из его рук. Он чувствует, что пасхальная весть несет надежду и ему.

В первых сценах драмы Гете перед нами ставится вопрос, с которым сталкивается человечество в эпоху души сознательной. С одной стороны, перед нами мертвая мысль, которая в конечном итоге может привести только к отчаянию; с другой – пасхальная надежда. Поэтому мы должны спросить себя: как импульс Пасхи может войти в безжизненное фантомное мышление, которым оно стало в последние столетия?

Первые сцены драмы Гете задают нам вопросы, но не дают ответа.

Фауста взволновали пасхальные колокола, но его мышление остается таким же мертвым, как и прежде. Поэтому он должен встретиться и связаться с существом, олицетворяющим силы смерти, – Мефистофелем. Подобно тому, как Фауст в драме вынужден идти по жизни с Мефистофелем рядом, вся наша цивилизация, начиная с XV века, несет на себе отпечаток того существа, которое Гете называет Мефистофелем.

Уже первые века души сознательной, принесли то, что является симптомом всего последующего: новую астрономию, введенную Коперником и Кеплером. Небеса, которые рассматривались как царство Божье, превратились во вселенную, в которой планеты двигались с точностью часового механизма. Космос стал рассматриваться как не более чем гигантский механизм. И этот механический способ наблюдения за Вселенной стал образцом для всей современной науки. Человеческая гениальность пошла в том же направлении и за несколько столетий создала больше механических изобретений, чем за все предыдущие тысячелетия человеческой истории вместе взятые. Мертвая мысль могла понять только мертвое: машины. Такое мышление отрезало человечество от духовного мира и сделало чуждым природе.

Человеческая жизнь превратилась в случайность, результат различных случайных событий. Важно понимать, что такое развитие событий было необходимо для того, чтобы человек стал тем, кем он должен был стать: свободным человеческим существом. Но, как мы видим сегодня, такое мышление может привести лишь к экологическим катастрофам, социальному распаду и чувству одиночества в человеческой душе, которое было неведомо в более ранние периоды истории.

И все же в книге, написанной около 100 лет назад, мы можем найти следующее ключевое предложение: "Мышление – это истинное общение человечества".² Книга посвящена довольно абстрактной теме теории познания Гете и была написана молодым Рудольфом Штайнером. Он назвал мышление "причастием" и, как он объяснил много лет спустя,

---

² Дословно это предложение звучит так: "Реализация идеи в реальности – это истинное общение человека". Ее можно найти во Введении к естественнонаучным трудам Гете (GA 1, p. 126).

использовал "причастие" в том же смысле, что и христианские церкви, когда они говорят о таинстве Святого причастия. Церкви (по крайней мере некоторые) под этим имеют в виду причастие Христа и духовного мира, и так понимает это Рудольф Штайнер.

Несомненно, мышление, которое Штайнер называет причастием, не имеет ничего общего с мертвым мышлением, которое привело Фауста к Мефистофелю, а нашу цивилизацию – на грань глобальной катастрофы. Возможно, мы сможем лучше понять, что имел в виду Рудольф Штайнер, если рассмотрим смерть человеческого существа, а не мышления. Почему мы вообще должны умирать? Это вопрос, который немногие любят себе задавать.

Дети иногда его задают, но, скорее всего, не получают правильного ответа. Рудольф Штайнер ответил на этот вопрос 12 апреля 1910 года (вскоре после Пасхи):

"Существуют определенные способности, которые мы приносим с собой при рождении и которые накладывают отпечаток на податливую организацию маленького ребенка. Это умственные и физические способности, которые сопровождают нас всю жизнь.

Некоторые навыки приобретаются только позже, когда мы становимся немного старше. Можно сказать, что они еще могут быть адаптированы к физическому телу. Однако, как только мы становимся взрослыми, это уже невозможно. Душа же, напротив, продолжает приобретать новые способности и силы на протяжении всей жизни. Счастье и несчастье, мастерство и беда, успех и неудача – все они обогащают нашу душу силами, которых у нас раньше не было. Но все это уже не может быть запечатлено на физическом теле. Эти силы также остаются бессознательными, потому что без физического тела мы не можем стать сознательными.

Это постоянно растущее внутреннее богатство в глубинах нашей души прямо противоположно ограничениям нашего тела, которое не способно его впитать. Именно это внутреннее богатство стремится избавиться от неадекватного инструмента нашего нынешнего тела, чтобы создать лучший сосуд для следующего воплощения. А смерть — это результат новой жизни, новых сил, которые разрушают старую форму, стоящую на их пути. Поэтому каждая человеческая смерть — это победа жизни.

Если мы сможем увидеть смерть отдельного человеческого существа в этом свете, то сможем прийти и к пониманию процесса смерти, происходящего в мышлении. Что именно умерло за последние четыре-пять веков? Эта смерть мышления была лишь последней фазой затянувшейся смерти старого инстинктивного ясновидения. Материалистический, механический взгляд на мир — это последняя, заключительная фаза инстинктивных способностей ясновидения. Именно это причина того, почему механическое мировоззрение проявляется как инстинктивная сила. Ученые, сформировавшие новое мировоззрение, Кеплер, Галилей и Ньютон, не были атеистами – у них, вероятно, было то или иное религиозное убеждение, – но их мышление автоматически двигалось в направлении материализма. И это по-прежнему характерно для большинства людей сегодня. У них могут быть сильные религиозные убеждения, но, когда они сталкиваются с чем-то, что требует глубокого осмысления, у них остаются только мертвые концепции, которые неизбежно материалистичны, осознают они это или нет. Они подобны Фаусту, которого глубоко трогает звон церковных колоколов, но мышление все равно ведет его прямо к Мефистофелю. Эти мертвые понятия, обладающие инстинктивной силой, являются, можно сказать, трупом того, что было живым в прошлом: инстинктивного ясновидения. Но не только этот медленный процесс смерти подходит к концу в компьютеризированной науке современности. Это еще нечто другое. Как смерть тела является внешним признаком

внутреннего процесса жизни, внутреннего роста, так и трупы, которые мы называем мыслями, являются внешним выражением жизни, которая бурлит под ними. Это совершенно другой вид мысли – живая мысль.

Сначала эта живое мышление был доступно лишь немногим, избранным душам. Одной из таких душ был Парсифаль, герой легенды о Граале. По мнению Рудольфа Штайнера, он является героем или предтечей души сознательной. Несколько веков спустя, когда сила скрытого потока возросла, все больше душ смогли испытать из него. Это были члены тайного Братства Розенкрейцеров. К концу XIX века, когда теория Дарвина о происхождении человека от животного, теория классовой борьбы Карла Маркса и философия воли к власти Ницше уничтожили последние остатки традиционного духовного мышления (по крайней мере, у всех разумных и мыслящих людей), возникла необходимость в том, чтобы скрытый поток вскрыл твердую корку мертвого мышления. Это поток, известный нам как антропософия.

Как формы мертвого мышления являются остатками старого ясновидения, так и живые мысли — это начало ясновидения будущего. Где же исток этой живой мысли, источник этого потока жизни? Это мистерия Голгофы. Вот почему Рудольф Штайнер назвал это мышление "причастием" – истинным причастием человечества к Христу. В своем докладе от 13 июня 1910 года³ он сказал: "Члены нашего общества часто спрашивают меня: "Как я могу соединиться с Христом? Но это очень наивный вопрос, потому что все наше антропософское исследование, каждая строчка, которую мы читаем в духовно-научной книге, приводит нас в непосредственный контакт с Христом. И тот, кто спрашивает о дополнительном, особом способе соединения с Христом, лишь показывает, что он предпочел бы избежать усилий, связанных с чтением и изучением". В другом докладе от 6 февраля 1917 года (GA 175) Рудольф Штайнер сравнил изучение антропософии с изучением языка и затем сказал: "И когда мы научимся внутренне говорить на языке этой духовной жизни, тогда окажется, что Христос стоит рядом с нами и дает нам ответ".

И мы можем добавить: в той мере, в какой нам удастся мыслить на этом языке мысли антропософии, в той мере мы побеждаем мертвые мыслеформы, которые являются пережитками прошлого, – и тогда мы вводим в душу сознательную силы пасхального события.

---

³ Этот доклад, как часть GA 121, не был опубликован